

Из современной арабской лирики

МУИН БСИСУ

Палестина

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Купили ее на рынке рабов,
внесли на носилках
в шатер Александра,
погрузили в роскошную ванну
из молока газели и львицы.
Умастили ее
благовонным маслом,
окропили духами
и повели к Александру на ложе
под кудахтанье труб.

Александру она
оказалась по вкусу,
и он забавлялся
с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее королю.
Королю она
оказалась по вкусу,
и он забавлялся
с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее царедворцу.
Царедворец — вассалу,
вассал — своей челяди...
И не успела луна округлиться,
как стала рабыня бокалом,
из которого пьют
короли,
челядинцы,
вельможи,
солдаты —
кому не лень...

Радуга этой зимой
не озарит наше небо.

Где же ты,
пурпурный цвет?
Где голубой и зеленый,
оливковый цвет и лимонный?
Только свинец и смола,
паутина и грязь...

Рынок рабов...
А у Шехерезады
в нашей стране
отрезаны косы
и вырван язык.
А то бы она рассказала,
как ее принесли,
словно мяса кусок,
в шатер Александра,
потом — королю,
а потом — царедворцу,
от постели к постели,
к начальнику стражи,
которому вскоре она надоела,
и он пустил ее
щедро по кругу —
от солдата к солдату,
от солдата к солдату,
от солдата к солдату...

САИД АКЛЬ

Ливан

ПЕВИЦЕ

Хочешь новую песню начать?
Не спеши.
Сумасшедшие струны
гудят в эту ночь.
Просыпаются птицы
в подлунной тиши
и на звук отдаленный
летят в эту ночь.
И любовь, что схоронена
в недрах души,

воскресает,
и темень отброшена прочь.
Хочешь новую песню начать?
Погоди,
ибо время, как в бездну,
уходит в себя,
и предчувствия
сслабевают в груди,
и недремлющая
засыпает судьба,
и мне чудится —
женщина шепчет:
«Приди»,
и клянется любить,
и целует любя.
Хочешь песню начать?
Отшумела пора,
когда музыка
нас обжигала огнем,
и на крыльях скрестившихся губ
до утра
мы короткую ночь
пролетали вдвоем,
и казалось —
идет сновидений игра,
и весь мир опьяненный —
за нашим окном.

Что ж, начни свою песню.
Попробуй вернуть
эти белые призраки
наших ночей,
и отправится сердце
в таинственный путь,
и опять заструится
иссохший ручей.
Пой о том, как меня
эта ночь обожгла
позабывшим огнем,
обещаньем любви.
Пой, пока не окутает
смертная мгла
мою горькую память,
желанья мои!

АБД аль-ВАХХАБ аль-БАЯТИ

Ирак

ЖЕНЩИНА БЕЗ ИМЕНИ

Соловей пролетает
сквозь снежную тьму,
через тайную боль.
Это я — заключенный,
приговоренный
к звону бокалов,
к танцу с тобой.
Это я — замурованный
в смехе
танцующих пьяных людей.
Мои глаза твоими полны,
а сердце пустынно.
Задыхаюсь от нежности
к звездам,
летающим мимо улыбки твоей.
Что ты знаешь о них?
Ты — колдовство,
ты — болотная тина,
ты — глупышка,
ты — кошка
на кухне бессонных ночей.
Что ты знаешь?
Лица чужие?
Шорох кредиток?
Ты — расхожий товар до поры.
Ты не лги мне.
В глазах,
наивно раскрытых,
я читаю условия старой игры.
На,
возьми эти деньги,
русалка со взглядом совы.
Свое сердце я сам разобью
и пройду
мимо глаз твоих мертвых,
не повернув головы...

Перевел

Михаил Курганцев

Расплата за неверность

В БИРМЕ для вступления в брак необходимо только согласие родителей молодых. Государство браки не регистрирует. Поэтому не существует и проблемы развода. Если муж уходит от жены, брак считается расторгнутым. Вопрос содержания детей также не регулирован государством. От доброй воли мужа зависит, заботиться о детях или нет.

Но если жена уличит мужа в измене, она прибегает к таким мерам, которые должны внушить всем мужчинам, что лучше хранить верность. Я случайно стал свидетелем такой трагедии.

Это было рано утром на окраине Рангуна. Мое внимание привлекла к себе толпа, окружившая полицейскую машину. Я подоспел вовремя: двое полицейских водворяли в «джип» грациозное создание с упрямо сжатым ртом и страдальческим взглядом. Руки и платье женщины были в крови. Другая пара полицейских волокла к машине какой-то кровавый узел.

Женщины в толпе удовлетворенно кивали и подбадривали арестованную. Мужчины смущенно, я бы даже сказал — виновато, молчали. Один из них, показав на узел, шепнул мне на ухо:

— Это был ее муж. Веселый малый. Она его убила, когда он спал. Зарубила топором!

— Не может быть! Это нежное создание?.. И что с ней будет?

— Семь лет тюрьмы.

К счастью, так заканчиваются очень немногие браки. Большинство бирманцев живет счастливо — да иного нельзя и ожидать от этого жизнерадостного и честного народа.

Бирманский юрист, с которым я говорил об этом происшествии, дополнил мою мысль:

— Наши соотечественники в некоторых ситуациях ведут себя как взрослые дети. Они не понимают, что в современном государстве должен господствовать закон. Если им приходится сталкиваться с несправедливостью, они часто прибегают к самосуду — и расплачиваются лишением свободы.

— А могут ли женщины в данном случае рассчитывать на защиту суда?

— Конечно, нет, если дело касается измены мужа. Мы не можем вмешиваться в интимные отношения людей. Когда девушка вступает в брак, она должна знать, на что идет.

Очевидно, по выражению моего лица юрист понял, что я с ним не согласен, потому что он продолжал:

— Таких убийств становится в последние годы все меньше, и, кроме того, наша юстиция все же учитывает положение покинутых жен. Об этом говорит хотя бы сравнительно очень мягкий приговор мужеубийце, тогда как убийства с целью грабежа наказываются, как и во всем мире, сурово, без всякого снисхождения.

Бирманки пользуются абсолютным равноправием при вступлении в брак. Несмотря на то, что редко можно встретить женщин, участвующих в общественных мероприятиях, они играют большую роль в жизни страны. Во время войны даже существовал женский корпус, который очень храбро воевал. Немало женщин занимает государственные посты.

Отрывок из книги М. Мюллера и Г. Феттера «По Мадра-су и Рангуну» (ГДР).